

РАССКАЗ

П. ШМАКОВ

РОДИТЕЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ

В ПЯТЬ утра завершал звонок громко и тревожно. Николай Шустиков поднялся с постели, включил свет, надел халат и пошел к двери. В проеме возникла тоненькая фигурка девушки. Она подала склеенную телеграмму, тетрадь для рисунка и утонула в полутемном лестничном пролете.

Николай разорвал склейку, прочел печатные строки и не сразу осознал их жестокий смысл. Провел пальцами по глазам и снова пробежал строчки: «Выезжайте похороны матери». Лаконично и жестоко. Николай качнулся, плечом привалился к стене, уронил руки вниз, вдруг ощутив неимоверную тяжесть крохотного листка.

— Коль, а Коль, кто там приходил? — сонно доносилось до Николая из спальни. Голос чуть коснулся его сознания, будто совсем не к нему обращалась из соседней комнаты жена.

Отчетливо и зримо в памяти возникли угловатая, серобокая сибирская речка Иня, и на одном из поворотов этой речки крохотная притаенная деревушка домов в двадцать. Объемистая посветина за пряслами, а там дальше густая, иссиня-черная тайга, упорно возгорающаяся на склоны гор. Такой помнилась всегда деревня Листвяги. Такой она была одиночества лет назад. Николай с женой приезжали на побылку в родные места. Одинадцать лет прошло, как он попидал мать. За все эти годы не мог выкроить времени. Захлестывала работа, думалось, что вот-вот будет посвободнее, и тогда...

Далеко находится деревушка, в которой родился Николай, и где умерла его мать. Писал матери, чтобы приехала к ним в Москву, но никакие уговоры сына и снохи не могли оторвать ее от родного края.

Словно бы боясь потерять равновесие, Николай тихо пошел в спальню.

— Катя, мама скончалась, — глухо и медленно выдвинул Николай. В горле пересохло, словно опалило горячей струей.

— Ну уж, скончалась, — не поверила жена, — не едешь долго, вот и придумала. Навестить бы...

Жена пухленькая, чернявая, еще не освоившись от сонливой омерзности, покойно лежала под простыней. Легко угадывалось ее тело, и Николай мысленно представил вот такую лежащую там, в деревне, свою мать, только роста больше и куда тошнее. Сразу зажгло глаза, сдавило колющую сердце. Сел на постель, уронил лицо в ладони...

Утром Николай заказал по телефону билет на самолет и стал собираться в дорогу. Жене он поручил с телеграммой сходить к нему в учреждение и оформить отпуск дней на десять. На такси добрался до аэродрома, сдал чемодан, зарегистрировал билет и отошел к ожидающим самолета 121 рейса.

Николай все делал машинально, словно робот. Даже сейчас, оглядывая пассажира, он не видел ни одного лица. В глазах неуступно плыло острое, зачерненное лицо матери, ее жилистые, длиннопалые руки, жидкие седые волосы, скрученные в раковину на затылке. Он вспомнил ее неуклюжую, скорую, вечно куда-то спешащую. Явственно представил

Николай, как она подергивает правым плечом, когда сидит. Слышался ее горький матерный, смелый, глуховатый.

МАТЬ всегда что-то делала. Ее руки и минуты не бывали в покое. Она день и ночь находила себе занятие. Особенно отчетливо увиделась мать в военную пору. Годы наступили голодные, зимы лихолодные. От отца долго не было писем. И с каждым днем в их большой и пустой избе становилось больше и больше горя.

Мать поздно вернулась с работы. Взяла топор и как-то досадливо бросила несколько слов в угол, не глядя на Николая:

— Давай, хозяин мой хороший, за дровцами сполкаем.

У Кольки затеплело в груди от этого материнского «хозяин», и он начинал одеваться степенно, как полагается хозяину. И когда затягивался отцовской опояской, с достоинством сообщал:

— Готов. Мешкать че. Идем.

В доме слезливо гудя, не желала оставаться малая сестренка. Мать закрыла дверь на запор снаружи.

В окружении льдистых звезд, сухо светила луна, и снег был лимонно-синеватый, оттого он словно и скрипел сильно, остро. До березовой рощи идти километров пять. Дороги туда наезженной нет. Идти бродно.

Срубил березку потолще. Хотелось заготовить дров, с запасом хотя бы дня на два. И сучки обрубали не все, а чуть с конца. Ими, сучками, сегодня истопят печь. Пилить-то уже поздно. Тащили березу они с матерью долго, выбиваясь из сил. И дом рядом, а вот идти не могут и все тут. Ноги от дрови не держат, подкашиваются, руки-неслухи. В голове мутно и жарко. Шаг сделаешь — отдых. Еще шаг — и садятся на березу. Притащились заполом. Любка спала на столе. Она все глядела в темную пустоту окна и заснула.

Тут, в стылой избе, ожидая тепла от печи, мать, нарезая турнепс ломтиками для варки, издыхала и говорила:

— И что бы я делала без тебя, Колюха? Подмога, как есть подмога. Отпишу отцу, что ты заменил хозяина в доме. Вот рад-то будет досмерти. Воевать ему легче станет с немчурой проклятой.

И было засну, Колька стонет дремоту и по-взрослому, не обращая внимания на хвалу, решает:

— С утра Федьку Лапу позову и пилить будем. Я ему за то фонарь свой отдам. Ни к чему он мне. Батарей ни за что не достанешь...

РОВНО гудят моторы, вспыхивает в наступающей темноте опознавательный красный огонь. Находит дремотное состояние на Николая, как в далекую военную пору у печки, с разгорающимися безрезервными палками.

...Хорошили Марию Шустикову на второй день после гибели Николая. У дома собралась чуть ли не вся деревня. Старуху любили за добрый нрав, простоту, за помощь во всяком деле.

Николай шел рядом с гробом и не спускал взгляда с лица матери. Оно было до неузнаваемости сухим и бледным. Даже желтым, будто высвечено изнутри. Пальцы были тонкие, морщинистые. Маленький начищенный образок пока-

чивался в пальцах, на груди...

Жила мать одна. Скрашивал ее одиночество соседский Вовка, безотцовщина. Он помогал бабке, а та одаривала его снедью, новыми штанами, рубашкой.

Только сейчас Николай с хронической горечью осознавал всю нелегкую, одинокую в старости, жизнь матери. Он все больше и больше проникал в смысл ее коротких строчек из писем: «Сказывать ведаешь, сыночек, не тягостно ли мне одной? Оно на родительской земле покойно, не в тягость мне здесь. Вы токо бы во славу жили. Да и я соберусь навестить...». Вот и собралась...

За деревней, над кладбищем, сохраняя покой, легко шумят вислое, старые березы над мыльными, старыми, и редко новыми крестами. Невольно все ссутулились, сильнее запечалились, как только перешли кладбищенский ров.

Могила. На белых скрученных полотенцах в нее опустился гроб. Надрывные голоса, горькие стуки глины о крышку гроба, удары по самому сердцу, опрокинутые березы, почерневшее небо и родной, порывчатый бугорок...

Проснулся Николай рано. Только-только начинали голосит пелухи. За окном с дроздой от ранней прохлады поднималось рассветное, серомолочное месиво. Николай поднялся с постели, опустил ноги на пол и так долго сидел в изумной забывчивости. А когда полностью рассветало, кто-то постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, растворил ее. порога пошвилась, низенькая старушка. Сердце у Николая забилось густо и больно. Он поначалу чуть не вскопчил и не кинулся навстречу пришедшей с криком: «Ма-ма!» — так вошедшая была схожей в первый момент с матерью. Но Николай вовремя опомнился, удержал себя.

— За Манькой я пригляжу. Коля, Подойти надо. Напоследок-то я Марье все справляла. Не гадала Марья, что смерть по закрой избы ходила. И тебе отписывать о хворе своей не велела. Вот, мол, оправилось малость да к Коленке наведаюсь, а тогда и к матушке под бочок. Эдак все загадывала. За неделю, почитай, и скрутило ее. Я думаю, так с того это с ней, что в грозу пошла, до нитки промокла и с того занедужила. Фу ты, засолыла я тебя... Ниче, ты отсыпайся, а то вечер ты больно переживал. И пил мало. Слезно маялся. Я сейчас парком тебя угощу, парным молочком, значит.

Старушка легко выскользнула за дверь, даже не звякнув дужкой ведра. Николай силится вспомнить имя старушки, но не мог. А голос до знакомости волновал, выбивал слезы на глазах, сильный хотелось быть рядом с матерью, ощущать ее мягкое поглаживание рукой по голове, как в детстве. И тут поразила его новая мысль. Дом матери обновлен. Снизу подведены четыре лиственных венца, новые косяки вставлены, в прошлом году тесом накрыт. Думалось, как могла мать делать такую работу. Наверняка, нанимала шабашников или просила своих мужиков, деревенских. Убытна для старухи такая поправка дома.

— Будь неладная, эдакая скотинка, — снова мелким горшком посыпалась слова старушки. — Вторую неделю ладнюсь к ней, а она все не подпускает. Будь неладна, а толк имеет. По хозяйке тоскует.

(Продолжение следует).

Заветы Ленина,
1976,
17 апреля, с. 4.